

ДОЧЬ УЖЕ ДОМА

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Дочь уже дома

<https://litres.ru/74646027>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павлу звонят похитители и требуют четыре миллиона за дочь. Он ещё пытается добиться разговора с ней, когда Лера открывает дверь своим ключом.

На присланном снимке другая женщина — Ника, которая работает с Лерой. Дочь узнаёт её сразу и просит отца не говорить похитителям, что уже дома.

Павел всегда умел выручить дочь: найти деньги, договориться, взять её проблему на себя. Но теперь каждое признание Леры меняет смысл того, что произошло. А Ника за запертой дверью пытается понять, кому ещё можно доверить просьбу о помощи.

Содержание

Глава 1. До того как открылась дверь	4
Глава 2. Не та женщина	14
Глава 3. Голос на кухне	26
Глава 4. Окно выше головы	39
Глава 5. Кого ждать до утра	47
Глава 6. В мастерской открыто	58
Глава 7. По имени	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

А.М. Сунгурский

Дочь уже дома

Глава 1. До того как открылась дверь

У Леры в холодильнике опять испортилась резинка. Павел заметил это ещё в воскресенье, когда привозил ей суп: дверца закрывалась, но светлая полоска по нижнему краю оставалась. Он заказал уплотнитель, забрал его после работы и теперь сидел на кухне с длинной коробкой на коленях. Дочь обещала быть в девять. В девять он написал, что уже дома и может приехать сам. Ответа не было.

На плите стояла сковорода с картошкой. Павел выключил газ, чтобы не подгорела, и накрыл крышкой. Лера не любила разогретую, но сам он второй раз жарить не собирался. Скакала бы сразу, что не приедет.

Он мог поставить резинку на холодильник утром. Важнее было, чтобы она наконец привезла бумаги на фургон: страховка заканчивалась, а дочь неделю отвечала, что всё сделала. Павел не считал это ответом. Сделала — покажи. Три минуты, и не надо больше возвращаться к разговору.

Телефон завибрировал на столе. Номер был незнакомый.

— Слушаю.

— Павел Николаевич?

Голос негромкий, мужской. Не из тех торопливых молодых голосов, которые ежедневно сообщали об окончании договора.

— Да.

— Вы один?

— А вы кто?

В трубке что-то щёлкнуло. Павел отнял телефон от уха, посмотрел на экран и снова поднёс.

— Ваша дочь у нас. Валерия Павловна. На звонки вам сейчас не ответит.

Павел замер, не успев поставить коробку на пол. Тонкий картон прогнулся под пальцами.

— Сколько можно, — сказал он. — Вы хоть фамилии меняйте.

— Вешнякова. Двадцать восемь лет. Серо-синий фургон, белые буквы на боку. Сегодня поехала за вещами. Доехала.

Он медленно опустил коробку. Один конец задел ножку стола и с глухим шорохом сполз на линолеум.

— Дайте ей трубку.

— Сначала вы меня выслушаете.

— Я сказал, дайте дочь.

— За четыре миллиона она вернётся домой. Завтра, до пяти вечера. Сейчас вам придёт фотография. После этого вы перестанете тратить наше время.

Павел встал. Кухня была маленькая, и стул упёрся спинкой в батарею. Он хотел пройти в комнату, где лучше ловила связь, хотя связь была хорошая. Мужчина дышал ровно и близко.

— У меня нет четырёх миллионов.

— До завтра найдёте.

— Мне нужно услышать её голос.

— Фотография пришла?

Телефон коротко дрогнул у щеки. Павел включил громкую связь, положил его на стол и открыл сообщение.

На снимке женщина сидела на полу у светлой стены. Колени подтянуты, голова повёрнута к плечу. Красная куртка, которую он покупал Лере прошлой осенью, была расстёгнута; под ней виднелась серая кофта. Волосы упали на лицо. Руки уходили за спину, и Павел не мог понять, связаны они или она просто на них опирается. На скуле темнело пятно.

Он приблизил фотографию двумя пальцами. Изображение распалось на мутные квадраты.

— Что вы с ней сделали?

— Ничего непоправимого. Пока вы разговариваете нормально.

— Поднимите ей голову. Пусть посмотрит в камеру.

— Ты условия сейчас ставишь?

От внезапного «ты» Павел согнулся, будто его толкнули под рёбра. Он опёрся ладонью о стол. Сквозь стекло кухонной двери был виден тёмный коридор, полоса света под вход-

ной дверью, носки Лериных старых тапочек. Она давно жила отдельно, а тапочки он не убирал: приезжала иногда в мокрых кроссовках.

— Я должен знать, что она жива.

— Жива. И останется, если не будешь умничать. Полиция — плохая мысль. Друзья из полиции — тоже. У тебя есть ночь.

— Вы же понимаете, я не могу просто снять...

В замке повернулся ключ.

Павел услышал его отчётливо. Сначала короткое касание металла, потом поворот ключа и два стука ручки: Лера всегда торопилась нажать её, ещё не отперев замок. Звук был настолько обычный, что не сразу соединился со снимком на столе.

— Пап, я без машины, — сказала дочь из коридора. — Ты ещё не лёг?

Он смотрел на дверь кухни. Лера толкнула её плечом и вошла с бумажным пакетом в руках. На ней было чёрное пальто, подол джинсов потемнел от воды. Одна прядь прилипла к щеке. Она держала пакет осторожно, снизу, как держат горячую выпечку.

— Я на остановке пирожки взяла. Там последние были, с капустой и...

Павел схватил телефон и выключил громкую связь.

— Ах вы...

— Не перебивай, — сказал мужчина. — Я один раз объ-

ясняю.

Лера поставила пакет и посмотрела на отца. Он хотел обнять её. Уже протянул свободную руку, но она увидела экран. Взяла его за запястье, развернула телефон к себе и наклонилась так близко, что концы мокрых волос коснулись стола.

Павел почувствовал, как пальцы дочери сжались. Она накрыла ладонью нижний край телефона, закрывая микрофон.

— Папа, — прошептала она. — Не говори им, что я дома.

Он не понял. Не слова — слова были простые. Не понял, почему она не отступила от фотографии, не засмеялась, не сказала, что это мошенники и сейчас они вместе закончат разговор.

Лера убрала ладонь. Из трубки донёсся голос мужчины:

— Павел Николаевич. Ты меня слышишь?

Лера смотрела на отца. Губы у неё были приоткрыты, но она больше ничего не сказала. Только покачала головой.

— Слышу.

— Вот и хорошо. Сейчас ты остаёшься дома. Через полчаса я позвоню. Приготовься объяснить, откуда возьмёшь деньги. И не отключай телефон.

— Подождите. Она...

— Через полчаса.

Звонок оборвался.

Несколько секунд Павел всё ещё держал телефон перед дочерью. На экране оставалась женщина у стены. Теперь он

видел, что волосы у неё светлее Лериных. Впрочем, освещение могло быть каким угодно. И лицо, если присмотреться, другое. Как он вообще мог принять её за дочь?

— Кто это?

Лера отпустила его запястье.

— Ника.

— Какая Ника?

— Она со мной работает. Ты её видел. Летом, когда мы стеллаж забирали.

Он вспомнил не лицо, а длинные доски в подъезде и женщину, которая велела ему придержать нижний конец, потому что сверху она уже держала сама. Он тогда обиделся на её тон, но к тому времени, как спустились, забыл.

— Почему она в твоей куртке?

— Куртка в машине лежала.

— А машина где?

— У неё.

Павел поднял глаза. Дочь стояла, не снимая пальто. На воротнике блестели капли; одну он машинально снял большим пальцем, будто она мешала разглядеть Леру.

— Ты понимаешь, что они мне сказали?

— Что меня забрали.

— Они четыре миллиона требуют. За тебя.

Она выдохнула через рот и оглянулась на дверь.

— Четыре?

— Да. Кто это?

— Не знаю.

— Лера.

— Я не знаю, кто звонил.

Он положил телефон на стол так резко, что край стукнулся о солонку. Лера вздрогнула.

— Тогда рассказывай, что знаешь.

Дочь растегнула пальто, но снимать не стала. Достала из кармана свой телефон, два раза промахнулась по экрану и приложила его к уху. Павел услышал гудки. Первый, второй, третий. Он хотел сказать, чтобы она не звонила, ведь те люди могли сидеть рядом с Никой, но уже не был уверен, что понимает хоть что-нибудь из происходящего.

— Не отвечает, — произнесла Лера.

— А ты думала, ответит?

— Телефон мог в машине остаться. Она его в сумке носит.

— Ты это откуда знаешь?

— Пап, я с ней работаю.

Слово «работаю» прозвучало почти сердито. Так она обычно говорила, когда он спрашивал, умеет ли нанятый водитель ездить зимой или знает ли грузчик, сколько весит сейф. Сейчас этот тон принёс Павлу облегчение. Несколько минут назад он видел дочь на холодном полу, теперь она стояла у него на кухне и сердилась на глупый вопрос. Он ухватился за это настолько крепко, что следующий вопрос задал уже мягче:

— Откуда ты приехала?

— С другого заказа. Из квартиры. Там завтра квартиру сдают, надо было упаковать кухню.

— А Ника?

— Поехала забрать коробки и кое-какие вещи. Я не успевала в два места.

— На твоей машине. В твоей куртке.

— Она мокла. Я сказала, куртка за сиденьем.

Павел помолчал. Он не знал, какое отношение к преступлению могли иметь пустые коробки, и от этого обычные подробности раздражали его всё сильнее.

— Сейчас позвоним в полицию.

— Они сказали не звонить?

— Конечно, сказали. Ещё сказали, что у них моя дочь.

Лера опустила глаза на фотографию.

— А если они узнают, что это не я?

— Они и так узнают. Паспорт у неё есть? Телефон? Она им скажет.

— Да.

— Тогда чего ты ждёшь?

Лера сняла пальто. Повесить его было некуда — крючки оставались в коридоре, — и она положила его на спинку стула. Под пальто оказался тонкий свитер, заправленный в джинсы только спереди. На животе темнела широкая мокрая полоса. Павел почему-то подумал, что пирожки в пакете тоже промокли.

— Если она им не нужна, — сказала дочь, — они её не

отпустят просто так.

— Почему?

— Потому что она их видела.

Он хотел ответить, что людей отпускают. Что берут не того человека, понимают ошибку и отпускают. Случается же. Но на фотографии женщина сидела, спрятав руки за спину, и он уже успел спросить, что с ней сделали, хотя не знал даже её фамилии.

— Зорина, — сказала Лера, когда он спросил. — Вероника Зорина. Ей тридцать три.

— Родные есть?

— Сестра. И сын.

Он отошёл к окну. На стоянке у дома медленно разворачивалась белая машина, освещая фарами нижние этажи. Водитель остановился, выпустил женщину с сумками и поехал дальше. Павел следил за ним, пока свет не исчез за углом.

— Адрес, куда она поехала, знаешь?

— Да.

— Запиши.

Лера потянулась к телефону.

— На бумаге, — сказал он. — Вдруг снова позвонят.

Она достала из ящика блокнот, в котором он записывал размеры и номера деталей. Открыла на чистой странице. Он хотел остановить её: нужные размеры были и на обороте. Не остановил.

— Пап, только не езжай туда сам.

— Я сейчас никуда не еду.

— Ты всегда так говоришь. А потом уже внизу заводишь машину.

— Лера, пиши.

Она написала адрес. Ниже добавила номер квартиры и свой комментарий: «ключ у хозяйки». Почерк получился крупный, с неестественно ровными буквами, словно она заполняла бланк, который не должны вернуть на исправление.

Павел взял её телефон.

— Разблокируй.

Дочь не спросила зачем. Нажала боковую кнопку, приложила палец и отдала. Он набрал сто двенадцать, отошёл в коридор и прикрыл кухонную дверь. За ней Лера осталась стоять у стола. Пакет с пирожками так никто и не открыл.

Когда ему ответили, Павел назвал адрес своей квартиры, фамилию и сказал, что ему требуют выкуп за похищенную женщину.

— За вашу родственницу? — спросили в трубке.

Он посмотрел на кухонную дверь. Сквозь стекло была видна дочь, знакомый поворот головы, плечо в светлом свитере.

— Нет, — сказал Павел. — Моя дочь дома. Забрали дру-
гую.

Глава 2. Не та женщина

Когда её фотографировали, Ника отвернулась. Это произошло само собой: молодой мужчина поднял телефон, она увидела направленную на неё камеру и спрятала лицо в воротнике. Он велел сидеть ровно. Ника не послушалась, и тогда он присел, взял её за подбородок и повернул к себе.

Пальцы были тёплые. Почему-то это оказалось хуже, чем если бы он ударил.

— Посмотри сюда, — сказал мужчина.

— Я не Лера.

— Я слышал.

— Тогда отпустите меня.

Он отпустил подбородок. Сделал снимок и отошёл к двери. Ника услышала, как он кому-то сказал: «Сейчас скину». Больше ничего. Когда он вернулся, телефона в руке уже не было.

Левое запястье горело. Руки ей стянули за спиной ещё в машине, чем-то широким и липким; она не видела, чем именно. Когда переставала двигаться, боль ненадолго отступала. Но сидеть, не шевелясь, получалось только до следующего вопроса: сколько она здесь, где Марк, почему Лера не предупредила, кого нужно ждать во дворе?

Ника зажмурилась и стала вспоминать последние обычные минуты. Она подъехала к девятиэтажке, нашла место

возле торца и позвонила Лере. Та не ответила сразу, перезвонила спустя несколько минут: говорила, тяжело дыша, будто несла коробку.

«Ключ у хозяйки, квартира сорок шестая. Скажешь, от меня. Там два пакета и складные коробки. Если мокро, куртка за твоим сиденьем».

Ника хотела отказаться ещё днём. Она закончила свой заказ, на завтра оставалось три часа упаковки в другой квартире, а Марк просил забрать его у Риты пораньше. Но Лера сказала, что отдаст шестнадцать тысяч, которые задолжала за прошлую неделю, и ещё шесть за этот выезд. Деньги должны были прийти от хозяйки сразу после того, как Ника вынесет вещи и отправит фотографию пустой кладовки.

Ника слышала про мужчин, которые на прошлой неделе приходили к складу и требовали позвать Леру. Спросила в переписке: «А те, которые тебя искали, там не будут?» Лера ответила: «Нет. Я всё решила. Там только хозяйка». Ника переслала этот кусок Рите, собираясь потом позвонить и посоветоваться, но сестра была на работе, а Лера торопила: нужно было дать ответ хозяйке.

Она согласилась. Марку написала, что будет к десяти. Он прислал сердитый смайлик, а через минуту — фотографию огромного бутерброда с подписью: «Рита разрешила». Ника увеличила снимок, чтобы посмотреть, не положил ли он сверху конфету. Он иногда так делал. Конфеты не было.

Сумку она оставила в кабине. Поставила на пассажирское

сиденье и задвинула под сложенный плед, потому что в прошлый раз Лера ругалась: нельзя бросать на виду, стекло дороже всего, что лежит внутри. Телефон положила в наружный карман сумки, застегнула его, взяла только ключи от машины.

На улице моросило. Собственная куртка промокла ещё на первом заказе, и Ника надела красную Лерину поверх серой кофты. Рукава оказались длиннее, чем надо, зато ткань не пропускала воду. Она закрыла водительскую дверь и обошла фургон сзади.

Молодой мужчина стоял у торца дома. Ника не помнила, откуда он появился. Он спросил:

«За вещами?»

Она сказала да. Решила, что хозяйка прислала кого-то помочь, и успела обрадоваться: не придётся одной носить по лестнице. Мужчина показал на машину у проезда.

«Они уже там. Подойдите».

Ника не пошла сразу. Спросила, кто разрешил выносить вещи без неё. Тогда из машины вышел второй, в тёмной куртке, и произнёс:

«Лера, ну зачем ты опять начинаешь? Сядь, поговорим».

Она ответила, что не Лера. Второй приблизился, взял её за локоть. Ника отдернула руку и сказала громче. Молодой оказался за спиной. Она успела крикнуть, но он прижал ладонь к её рту; старший втащил её в открытую заднюю дверь. Ника ударилась щекой о край сиденья или о дверную стойку

— не смогла понять. На лицо натянули капюшон, прижали голову вниз. Кто-то сказал: «Держи нормально», — и машина тронулась.

Ключи от фургона выпали, когда она пыталась оттолкнуть руку старшего. Остались во дворе или на полу чужой машины. Ника помнила глухой короткий стук, но уже не знала, действительно ли слышала его тогда или додумала позже.

Теперь молодой сидел возле двери на стуле. Держал колёно обеими руками, не смотрел на неё. На правой щеке у него была тонкая красная царапина. Ника могла поцарапать его, когда он закрывал ей рот. Ей хотелось, чтобы царапина болела.

— У меня документы в машине, — сказала она. — В сумке. Зорина Вероника Андреевна. Можете посмотреть.

— Тебе уже сказали: разберёмся.

— Когда?

— Когда приедет человек.

— Тот, который меня сюда привёз?

Молодой не ответил.

— Спросите хозяйку квартиры. Я ей позвонила по домофону. Сказала: Ника, от Леры. Она меня ждала.

— Ты же ещё не поднималась.

— Я по домофону позвонила.

Он посмотрел на неё внимательнее. Ника поняла, что ошиблась. Она не звонила в домофон. Только собиралась; женщина, которая открывала дверь подъезда, пропустила её

бы, но молодой окликнул раньше. От страха в памяти уже появилась другая, удобная последовательность, где кто-то слышал её имя и мог всё исправить.

— Нет, — сказала Ника. — Не позвонила. Но она знала, что приеду я.

— Ну вот.

— Что — вот? Я не та, кто вам нужен!

Молодой поднялся. Ника прижалась затылком к стене. Он подошёл, нагнулся и взял её за плечи.

— Тише. Здесь орать не надо.

— А где надо?

Он усилил хватку. Ника вскрикнула уже от боли. Молодой отпустил одно плечо и посмотрел на свои пальцы, будто не знал, чем закончилось движение.

— Успокойся, — сказал он. — Веди себя нормально, нормально всё и будет.

— Развяжи руки.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что не могу.

Он вернулся на стул. Ника отвернулась от него и попыталась подтянуть ступни ближе. Пятки скользили по гладкому полу. Когда ноги наконец оказались под коленями, она упёрлась ими, оторвала таз от пола и почти встала, прижимаясь спиной к стене. Молодой сразу вскочил.

— Сядь.

— Мне больно.

— Сядь, я сказал.

Она села. Ударилась локтем о стену и заплакала — без желания плакать, от обиды, что не сумела даже подняться. Слезы стекали в воротник. Молодой смотрел в сторону двери, будто там было что-то важное, не связанное с ней.

В комнате стоял стол с металлическими ножками, два стула и узкий диван, с которого сняли подушки. На нём лежали свёрнутое одеяло и пакет из супермаркета. Высокое окно было закрыто полосатой шторой. Под потолком горела длинная лампа; один её конец потемнел, но свет не мигал. Пахло пылью и чужой едой. Ника не могла решить, была это кухня при мастерской или комната, где раньше ночевали рабочие.

Она прислушалась. За стеной что-то глухо ударило дважды. Молодой повернул голову к звуку, потом достал телефон из кармана и прочитал сообщение.

— В туалет можно? — спросила Ника.

Он посмотрел на неё с таким раздражением, словно она нарочно придумала ещё одну неприятность.

— Подожди.

— Я не могу ждать.

Он набрал номер. Говорил негромко, отвернувшись:

— Она просится... Ну куда... Да. А руки?

После ответа убрал телефон и подошёл к ней. Ника отодвинулась, насколько позволяла стена.

— Не дёргайся, — сказал он.

Он помог ей наклониться вперёд и разрезал то, что стягивало запястья. Ника услышала шорох ленты. Руки разошлись, но выпрямить их сразу не удалось: в плечах потянуло так сильно, что пришлось задержать дыхание. Молодой держал её за локоть, пока она вставала.

— Сможешь идти?

Она кивнула. Не хотела, чтобы он касался её ещё раз.

За дверью был короткий коридор. Напротив — другая комната, светлая, с обогревателем у стены и телевизором на тумбе. Дальше металлическая дверь без окна. Молодой провёл Нику к узкому закутку с раковиной и унитазом, остановился снаружи.

— Дверь не закрывать.

Она посмотрела на него.

— Отвернись.

— Я и не смотрю.

Он действительно отвернулся, но стоял слишком близко. Ника подтянула дверь к себе, оставив щель. Когда он не запертил, закрыла ещё немного.

На полке у раковины лежали хозяйственное мыло, зубная щётка в упаковке и синяя пластиковая чашка. В зеркале отразилось её лицо. Левая скула распухла, возле губ засохла кровь. Ника потрогала это место и только тогда поняла, что прикусила щёку изнутри.

Она открыла кран. Вода пошла не сразу; в трубе коротко загудело. Ника намочила пальцы, осторожно смыла кровь.

Из рукава кофты выкатился скомканный чек: она засунула его туда днём, когда покупала скотч и нож для коробок, оставшиеся теперь в сумке. Чек упал в раковину и сразу намок. Она хотела поднять его, но вода уже унесла бумагу к решётке сливного отверстия.

— Ты там чего? — спросил молодой.

Ника выключила воду.

— Умываюсь.

Она расстегнула джинсы и повернулась к унитазу. В эту минуту молодой потянул дверь. Ника резко отступила; задом задела бачок.

— Я ещё не закончила.

Молодой замер, увидел её расстёгнутые джинсы и отступил. Дверь осталась в прежнем положении. Ника смотрела на узкую щель и не могла вспомнить, зачем с неё начался этот выход. Потом всё-таки села, закрыла лицо ладонями и заставила себя дышать тише.

Когда они вернулись, она попросила сесть на диван. Молодой разрешил. Запястья снова связывать не стал; сел ближе к двери и положил телефон экраном вниз на колено. Ника осторожно сняла красную куртку. Внутренняя сторона одного рукава была испачкана её кровью.

— Она мне чужая, — сказала Ника.

Молодой поднял глаза.

— Куртка. Лерина. Я её надела, потому что дождь.

— Я понял.

— И машина Лерина. Посмотри на меня. Ты Леру видел вообще?

Он молчал.

— На фотографии? — спросила Ника. — Или она сама сказала, что буду я?

— Никто мне ничего не говорил.

— Тогда почему вы меня Лерой зовёте?

Молодой вскочил, прошёл к окну и одёрнул край шторы, хотя он ничего не открывал. Ника замолчала. Ей показалось, что он уже понял ошибку, но не знает, кому можно в ней признаться.

— Позвони ей, — сказала она. — Просто позвони. Она ответит.

— У тебя есть номер на память?

Ника открыла рот и закрыла. Номер Леры она набирала из контактов. Десять раз в день, иногда больше. Помнила первые три цифры, потому что у самой были такие же, и последние две — на них оканчивался номер машины. Между ними не было ничего.

— В моём телефоне есть.

— Вот и сиди.

Она посмотрела на его руки. Он снова держал колено обеими ладонями, прижимая к нему телефон. Ника захотела ударить по этим рукам, выбить телефон, схватить, набрать хоть чей-нибудь номер. Ритин она знала. Свой тоже. Этого было достаточно, если бы он просто вышел на минуту и за-

был аппарат на столе.

Молодой не вышел.

Ника легла на бок, не снимая кроссовок. Диван был короткий, пришлось согнуть колени. Под щекой оказалась жёсткая ткань подлокотника; она повернула голову так, чтобы не давить на ушиб. Молодой взял одеяло, расправил и положил возле её ног.

— Укройся.

Она не стала отказываться. Дотянула край до плеча, спрятала руки. В комнате было прохладно, а её трясло всё сильнее, будто тело только теперь поняло, куда попало.

Из коридора донёсся лязг. Молодой поднялся и открыл дверь. Кто-то вошёл; сначала Ника увидела только тёмный рукав и руку с бутылкой воды. Потом мужчина повернулся, и она узнала второго, который называл её Лерой во дворе.

Он посмотрел на молодого.

— Развязал?

— Ты сказал, в туалет...

— И обратно сказал.

Молодой опустил голову.

Старший поставил воду на стол и приблизился. Ника села, удерживая одеяло у груди.

— Сумка у меня в машине, — сказала она раньше, чем он успел заговорить. — Там паспорт. Вероника Зорина. Вы можете проверить. Я работаю у Леры. Она меня послала за коробками.

Старший взял второй стул и сел прямо перед ней. Теперь его лицо было хорошо видно: обычное, широкое, с короткой складкой между бровями. На правом виске выступала седина. Он не выглядел так, как Ника представляла себе человека, который может увезти женщину из двора. Может быть, поэтому она снова заговорила, торопясь, пока он не передумал слушать:

— У меня сын. Он сейчас у сестры. Я должна была забрать его в десять. Позвоните Лере, она всё объяснит. Она у отца должна быть.

Мужчина перестал двигать стул.

— Почему у отца?

— Потому что к нему собиралась. За резинкой какой-то для холодильника. Она днём говорила.

Старший повернул голову к молодому. Тот смотрел на Нику. У него на лице появилась растерянность, которую он уже не пытался скрыть.

— Она так и сказала? — спросил старший.

— Да.

Он помолчал, потом подвинул ей бутылку.

— Пей.

Ника не взяла воду.

— Вы мне верите?

— С этим разберёмся.

— Я могу сама с ним поговорить. С её отцом. Он меня видел.

— Где видел?

— У него дома. Мы забирали стеллаж. Я даже не знаю, как его зовут. Николаевич, кажется. Лера ему всё скажет.

Мужчина встал. Ника хотела подняться следом, но он положил руку ей на плечо и прижал к спинке дивана.

— Сиди здесь.

— Пожалуйста. Там ребёнок.

Он убрал руку. Посмотрел на молодого и кивнул в сторону коридора. Оба вышли; дверь закрылась, потом снаружи щёлкнул замок.

Ника осталась одна. Она смотрела на бутылку. Крышка была целая, с белым кольцом, вода прозрачная. Нужно было пить. Во рту пересохло настолько, что больно было проводить языком по губам.

Она взяла бутылку обеими руками и с трудом свернула крышку. Сделала маленький глоток. Потом ещё один. Через стену слышались голоса — один громче, другой почти шёпотом. Ника не могла разобрать слов, но понимала, что говорят о ней.

Теперь они знали.

Она поставила бутылку и повернулась к двери. Всё, что нужно было для исправления ошибки, она уже сказала. Оставалось дожидаться, когда они вернутся за ней.

Глава 3. Голос на кухне

Павел вернулся из коридора и обнаружил, что Лера ест пирожок. Держит обеими руками, надкусила с одного края и смотрит в стол. Он едва не спросил, как она может сейчас есть, но вспомнил: с самого утра носила чужие коробки. Сам он обедал в два. Она, может быть, вообще не успела.

— Воду будешь?

Лера покачала головой. Потом всё-таки кивнула.

Он налил ей в стакан. Телефон оставил на столе; когда потянулся убрать картошку в холодильник, дочь вздрогнула от стука крышки.

— Что тебе сказали? — спросила она.

— Приедут. Адрес, куда Ника поехала, я тоже передал.

— Ты сказал, что это ошибка?

— Сказал всё, что знаю.

Павел посмотрел на часы. Прошло двадцать семь минут после звонка. Он не помнил, с какой именно минуты их надо считать: с начала разговора или с обещания позвонить снова. Разница была небольшая, но сейчас казалась важной. Если люди способны отмерить полчаса, значит, у них есть какой-то порядок. С порядком можно было что-нибудь сделать.

Лера доела пирожок, скомкала бумажную салфетку и убрала её в пакет. Руки больше не дрожали. Она взяла свой

телефон, который отец вернул после звонка, и стала просматривать сообщения.

— Что ищешь?

— Когда последний раз с Никой говорила.

— Нашла?

— В восемь восемнадцать. Четыре минуты.

Он записал время на том же листе, где был адрес. Почерк дочери занял середину страницы, ему пришлось писать мелко сбоку.

— Что она сказала?

— Что подъехала. Спрашивала, точно ли пустят в квартиру и сколько вещей. Я сказала, что хозяйка ждёт.

— Хозяйка кто?

— Тамара Ильинична. Она квартиру сдаёт. Её квартирантка съехала, оставила коробки, два пакета. Я должна была забрать.

— Почему так поздно?

— Тамара Ильинична до восьми работала.

Павел подвинул к ней блокнот.

— Фамилию. И телефон.

Лера посмотрела на него.

— Пап, они меня всё равно сами спросят.

— А пока пусть будет здесь.

Она записала: «Колесова». Номер переписала из контактов, проверила последние цифры. Павел смотрел, как движется ручка. Этот номер существовал и до сегодняшнего ве-

чера; какая-то женщина отвечала на него, выходила с работы в восемь, сдавала квартиру. Нужно было добраться до неё, и тогда началось бы что-то понятное.

— Позвони, — сказал он.

— Мне сказали оставаться на связи.

— Я про хозяйку.

— Я поняла.

Лера не нажимала вызов. Он взял телефон со стола.

— Давай я.

— Папа, не надо сейчас звонить всем подряд. Ты сам сказал, что сообщил адрес. Пусть они сначала...

Его телефон зазвонил.

Павел включил громкую связь, положил аппарат между ними и ответил. Лера отодвинула стакан, чтобы случайно не задеть его локтем.

— Ну что, Павел Николаевич? — спросил мужчина.

— Мне надо больше времени.

— Для чего?

— Чтобы собрать такую сумму. Часть у меня есть. Остальное надо занять.

— Сколько есть?

Павел посмотрел на дочь. Она сидела неподвижно. До этого дня он никогда не говорил ей, сколько отложил: называл «на жизнь», «на мастерскую», «чтобы никого не просить». В этой сумме были деньги, которые он не дал Лере прошлой весной, когда она просила купить второй фургон.

— Миллион двести.

— А остальные?

— Я не банк. Завтра утром поговорю с людьми. Сейчас ночь.

— Ещё даже десяти нет.

Павел почувствовал злость. Она оказалась полезнее страха: позволила сидеть прямо.

— Дайте поговорить с женщиной.

Тишина в трубке длилась несколько секунд.

— Уже с женщиной?

Он понял, что сказал. Лера закрыла глаза.

— Я должен знать, что вы её не...

— Позови Валерию.

Павел молчал.

— Она у тебя. Я знаю. Позови.

Дочь протянула руку. Он удержал телефон ладонью.

— Сначала отпустите Нику. Вы ошиблись.

— Я с тобой разговариваю?

— Вы мне позвонили.

— Павел Николаевич, не порть человеку жизнь ради красивого разговора. Дай дочери трубку.

Лера отодвинула его руку.

— Я слушаю, — сказала она.

— Всё-таки ответила.

Павел смотрел на её лицо. Не узнала? Узнала? Он не мог понять. Дочь подвинула телефон ближе, будто от расстояния

зависело, что ей сейчас скажут.

— Отпустите Нику. Она ничего не знает.

— Зато ты знаешь.

— Она приехала за коробками.

— А ты должна была приехать.

Лера втянула воздух, и Павел услышал этот звук отдельно от всего остального. В нём не было удивления.

— Кто вы? — спросила она.

Мужчина коротко засмеялся.

— Вот это оставь для папы. Слушай внимательно. Четыре миллиона, как было сказано. Завтра до пяти. И никаких самостоятельных решений. Если нужно будет с тобой встретиться, я скажу где.

— За что четыре миллиона?

— За то, чтобы Ника вернулась домой.

— Вы...

— С ней хочешь поговорить?

Лера замолчала. Павел придвинулся ближе. В трубке зашуршало; мужчина сказал что-то в сторону, неразборчиво. Потом послышался женский голос:

— Алло?

— Ника, — произнесла Лера. — Это я.

— Лер, скажи им. Скажи, кто я.

Голос был сиплый, как после долгого сна или болезни. Павел наклонился над столом, пытаясь увидеть женщину там, где был только экран.

— Я сказала. Они знают.

— Почему тогда...

Что-то стукнуло. Ника замолчала, потом заговорила быстрее:

— Позвони Рите. Марк у неё, он меня ждёт. Скажи, что я задержалась. Только не говори ему... Лер, почему ты меня туда послала?

Дочь сжала пальцы. Один ноготь побелел.

— Я не знала, что они...

— Всё, — сказал мужчина.

— Подождите! — Павел схватил телефон. — С ней всё в порядке? Ника, вы меня слышите?

— Она тебя слышала. На сегодня достаточно. До пяти, Павел Николаевич. Про ошибку забудь. Теперь ошибаться будешь только ты.

Звонок закончился.

Павел несколько раз нажал на тёмный экран. Не мог попасть по кнопке, которая показывала длительность разговора. Лера забрала телефон, открыла список и положила перед ним.

— Четыре минуты, — сказала она.

Он посмотрел на дочь.

— Почему ты должна была туда приехать?

— Потому что заказ мой.

— Он не про заказ говорил.

— Папа...

— Ты узнала его?

Она провела ладонями по лицу. Отняла их, и Павел увидел, как изменились глаза: она перестала пытаться выглядеть собранной.

— Не уверена. Я с одним человеком разговаривала. По телефону. Из-за клиентки.

— Какой клиентки?

В дверь позвонили.

Павел встал. Лера тоже. Он жестом велел ей остаться и пошёл в коридор. Прежде чем открыть, посмотрел в глазок. На площадке стояли двое в форме, один держал блокнот.

Павел открыл дверь и сразу сказал:

— Они знают, что дочь здесь. Только что позвонили.

* * *

Позже людей стало больше. Павел не заметил, когда именно квартира перестала быть местом, где можно пройти к шкафу за собственной рубашкой. Один сотрудник разговаривал с Лерой в комнате, другой попросил Павла повторить первый звонок, третий стоял в коридоре и кому-то сообщал адрес. Все говорили негромко. Из-за этого Павел всё время понижал голос, хотя ему хотелось кричать.

У него спросили, записывался ли разговор. Он не знал. В телефоне искали, смотрели настройки; оказалось, что записи нет. Остались номера, время, фотография и сообщения.

Павел расстроился так, словно сам упустил женщину, которую уже держал за руку.

— Вы вспомните, что говорил мужчина, — сказал ему сотрудник в тёмном джемпере. — Мы сейчас запишем последовательно. Первые слова. Потом ваши ответы. Не надо угадывать дословно там, где не помните.

Его звали Илья Анохин, он представился сотрудником уголовного розыска и показал удостоверение. Павел прочёл имя и отчество, но через минуту помнил только имя. У Анохина были светлые ресницы и небольшая ссадина возле большого пальца. Когда он писал, ссадина двигалась вместе с кожей.

— Я с машиной могу помочь, — сказал Павел. — У меня запасной ключ. Я дочери давал деньги, когда покупала, мне комплект оставили.

— Где ключ?

Павел встал, достал его из ящика прихожей, вернулся. К ключу была пристёгнута пластиковая бирка, на которой он сам написал номер фургона. Анохин попросил положить его на стол.

— Машину нашли? — спросил Павел.

— Проверяют адрес. Мы сообщим, когда будет что сообщить.

— Там же человек. Может, она ещё во дворе лежит.

Анохин поднял на него глаза.

— Вы только что с ней говорили. Мы проверяем место,

откуда её забрали, и ищем, где она сейчас. Это разные действия. Оба идут.

Павел сел. Сотрудник не сказал ничего обидного, однако стыдно стало так, словно его отчитали перед дочерью. Он сложил руки, чтобы не мешать ими на столе.

Повторяя разговор, Павел заметил, что почти не помнит начало. Каждая фраза после появления Леры сохранилась; всё, что было до, смешалось. Мужчина назвал её возраст до фотографии или после? Сначала сказал про четыре миллиона или спросил, один ли он? Павел злился, исправлял себя, начинал снова.

Анохин не торопил. Иногда задавал короткий вопрос, иногда оставлял его ответ как был, с пометкой, что последовательность не точная. Павел видел, как это выглядит на бумаге: человек, которому ничего нельзя доверять, сидит в собственной кухне и не помнит разговора часовой давности.

Из комнаты вышла Лера. За ней — женщина с короткой стрижкой, в тёмных брюках и бежевом свитере. Она представилась Ольгой Викторовной Седых, следователем Следственного комитета. Павел поднялся. Ему показалось, что нужно пожать ей руку, но Седых уже поставила сумку на свободный стул и попросила снова показать фотографию.

— Лера остаётся здесь? — спросил он.

— Пока мы разговариваем, да.

— Я имею в виду потом.

— Потом отдельно решим. Сейчас нам нужно понять, с

кем и по какому поводу она общалась.

— Она говорит, из-за клиентки.

Лера смотрела на стакан, который оставила перед вторым звонком. Вода в нём осталась почти нетронутой.

— Из-за вещей, — сказала она.

Павел обернулся.

— Лер, не надо со мной так.

— Я не с тобой. Я уже рассказала.

Седых попросила Павла сесть.

— Вы знаете Софью Литвинову?

Он повторил имя про себя. Ни лицо, ни фамилия ничего не напомнили.

— Нет.

— Дочь не упоминала?

— У неё много заказов. Мне она не обо всех...

Он остановился. Лера смотрела в сторону окна, и ему захотелось встать между ней и этими людьми. Попросить их сначала найти женщину, а потом уже разбирать, что его дочь кому рассказала. Но они для этого и спрашивали. Он сам их вызвал.

— Нет, — повторил Павел. — Не знаю.

Седых кивнула. Ничего не объяснила, вернулась к фотографии. Павел видел, как она увеличивает изображение, как осторожно двигает его пальцем, чтобы не потерять лицо.

— Родственникам Вероники сообщили? — спросил он.

— С сестрой сейчас связываются.

Лера подняла голову.

— Я должна сама ей сказать.

— Вы можете с ней поговорить, — сказала Седых. — Но сначала ей нужно знать, что происходит, без вашей версии про задержавшуюся машину. Сыну сообщат взрослые, которые с ним находятся.

Павел понял, что Лера уже предлагала такую версию. Возможно, из-за просьбы Ники. Возможно, потому, что сама не могла произнести вслух, куда послала чужую мать.

У Анохина зазвонил телефон. Он выслушал, уточнил что-то и вышел в коридор. Павел смотрел ему вслед до тех пор, пока Седых не назвала его по имени и отчеству.

— Вы сейчас собираетесь брать деньги в долг?

— Завтра. У меня есть человек, мы вместе работаем.

— Не начинайте ночью обзванивать знакомых и рассказывать про похищение. Если будет новый звонок, отвечайте. Самостоятельно никуда не выезжайте по их указанию. Мы обсудим с вами дальнейшие действия.

— Вы можете их найти по номеру?

— Этим занимаются.

— Это значит да или нет?

Она отложила телефон и посмотрела на него.

— Это значит, что одного номера недостаточно, чтобы я сейчас назвала вам место. Есть другие сведения, мы их проверяем. Обещать вам к утру адрес я не буду.

Павел кивнул. Ему не понравился ответ, но он был по-

нятный. Сломанный компрессор тоже нельзя было починить тем, что назвать хозяину точное время до того, как открыл корпус.

Седых попросила его вернуться к сумме и объяснить, кто мог знать о его деньгах. Тут Павел заговорил легче. Миллион двести — на счёте; часть можно было снять сразу, часть с вклада. Бывшая жена и Борис знали примерную сумму. Дочь до сегодняшнего звонка знала лишь, что он откладывает. Никому четырёх миллионов он не показывал и не обещал. Квартиру, в которой они сейчас сидели, не продавал. Вторая квартира ему не принадлежала. Машина старше Лериного фургона.

— А в интернете? — спросил Анохин, вернувшись. — Ваше дело, помещение, объявления о продаже оборудования?

— Мастерская есть. Мы холодильники чиним. Большие, магазинные. И домашние тоже, если привозят. Не завод.

— Фотографии, контакты?

— Есть. Телефон мой рабочий. Этот.

Анохин записал. Лера вдруг сказала:

— Там папина фотография есть. И моя. Я страницу делала.

Павел повернулся к ней. На снимке они стояли возле мастерской: дочь держала коробку с инструментами, он придерживал открытые ворота. Снимали прошлой весной, в тёплый солнечный день. В комментариях знакомая написала: «Папина помощница». Лера ответила сердечком, хотя в тот

же день они поссорились из-за её второго фургона.

— Она в красной куртке? — спросил Анохин.

— Да, — сказала Лера.

Павел посмотрел на длинную картонную коробку, которая всё ещё лежала у батареи. Уплотнитель для её холодильника. Он привёз его, чтобы дочь не откладывала ещё одну маленькую неисправность. Теперь в квартире находились чужие люди, которые спрашивали о фотографиях, клиентах и похищенной женщине, а он всё ещё не знал, что случилось с той квартирой, куда Лера послала Нику.

— Можно я маме позвоню? — спросила дочь.

Седых вернула ей телефон.

Лера вышла в коридор. Павел слышал, как она сказала «мам», потом замолчала. Галина, должно быть, спросила, почему так поздно. Лера ответила:

— Я у папы. Со мной всё хорошо.

Он опустил голову. От этих слов, которые вечером были бы самым важным на свете, теперь хотелось закрыть уши.

Глава 4. Окно выше головы

После разговора с Лерой старший велел Нике лечь и замолчать. Больше вопросов об имени не задавал. Она попробовала спросить, когда её отпустят, но он уже говорил с молодым, глядя поверх её головы, как разговаривают возле чужой машины о том, куда её переставить.

— До утра сиди здесь. Я вернусь.

— Ты же говорил...

— Я тебе много чего говорил. Делай, что сказано.

Старший вышел. Молодой остался в дверях, сжимая в руке конец серой ленты. Потом убрал её в карман, взял стул и отнёс в коридор. Ника слышала, как ножки заскребли по полу, как он сел, несколько раз переставляя ступни. Дверь заперлась.

Она подождала. Нужно было дать старшему время отъехать, а молодому — перестать прислушиваться и поверить, что она подчинилась. Ника не знала, сколько времени для этого нужно. Посчитала до ста, сбилась после семидесяти двух, начала снова и рассердилась на себя: снаружи ничего не изменилось от того, что она считала неправильно.

Ника села. Красная куртка лежала в ногах. Она надела её, застегнула не до конца, чтобы воротник не касался ушибленной щеки, и осторожно встала. Голова закружилась, пришлось подержаться за стол. На нём были бутылка воды и

скомканный пакет. Ника заглянула в пакет: две пластиковые ложки, салфетки, пустая упаковка из-под бутерброда. Всё чужое.

Нижний край окна находился чуть выше её глаз. Штора висела на тонкой струне, продетой через белые пластиковые крючки. Ника отодвинула край и увидела отражение комнаты. По другую сторону стекла было темно, только внизу проходила полоска жёлтого света.

Она поднялась на носки, прикрыла лицо ладонями и приблизилась к стеклу. Снаружи виднелись мокрый асфальт и освещённый дверной проём в соседнем низком здании. Из двери вышла женщина в вязаной шапке, держа перед собой серое ведро. Выплеснула воду в канаву у стены. Это был двор, обычный хозяйственный двор, где люди заканчивали работу и собирались домой.

Ника потянула оконную ручку. Та повернулась, но створка не пошла: снизу раму удерживала металлическая планка. Ника провела по ней пальцами, нащупала головки шурупов. Она могла бы попробовать открутить, если бы у неё было что-нибудь тонкое и прочное. В карманах куртки оказались только комок плёнки и маленькая пластмассовая стяжка. Нож для коробок остался в сумке вместе с телефоном.

Женщина поставила ведро у двери и потянулась к выключателю внутри.

Ника ударила ладонью в стекло.

Женщина обернулась, но в темноте не сразу поняла, от-

куда стучат.

Ника ударила ещё раз, сильнее, и крикнула:

— Помогите! Меня здесь держат!

В коридоре скрипнул стул.

Ника не отступила. Ей казалось, если перестать кричать сейчас, женщина решит, что послышалось. Она ударяла ладонью, пока та не подняла лицо к окну.

— Полицию вызовите!

Дверь за спиной открылась. Молодой схватил её поперёк груди и оттащил от окна. Ника продолжала кричать, выворачиваясь из его рук. Он зажал ей рот, но она укусила его за ладонь. Он вскрикнул, отпустил и тут же толкнул её в сторону дивана.

Ника споткнулась о ножку стола. Упала на колени, удержалась рукой за край сиденья. Молодой стоял над ней, сжимая укушенную ладонь.

Снаружи послышалось:

— Егор! Что у вас там?

Ника подняла голову.

— Помогите!

Молодой ударил её по лицу. Не так сильно, как мог, — эта нелепая мысль появилась раньше боли и вызвала у неё страшную злость. Она закрылась руками, ожидая второго удара, но он отвернулся к окну.

— Всё нормально! — крикнул он. — Сейчас выйду!

Снаружи что-то спросили. Молодой шагнул к Нике, на-

клонился:

— Ещё раз откроешь рот — хуже будет. Поняла?

Она смотрела на его ладонь. На коже остались красные следы зубов. Молодой увидел, куда она смотрит, и спрятал руку за спину.

— Поняла?

Ника не ответила.

Он вышел и запер дверь. Почти сразу открыл снова, забрал второй стул и захлопнул так, что задрожало стекло. Ему было страшно. Ника понимала это, но чужой страх не помогал встать с пола.

Через несколько секунд во дворе заговорили двое. Она подползла к стене под окном и прислушалась. Разобрала только начало: «Да подожди ты...» Потом голоса отдались. Женщина сказала что-то громче, молодой ответил. Егор. Она знала его по имени. Ника могла бы снова закричать. Он находился снаружи, не смог бы сразу войти. Нужно было подняться, ударить в стекло, попросить женщину зайти и увидеть всё самой.

Она прижала ладони ко рту.

Из-за стены донёсся звон ведра. Ника убрала руки, вдохнула и наконец выкрикнула:

— Пожалуйста, не уходите!

Ответа не было. Ника упёрлась ладонями в пол, кое-как поднялась и снова подошла к окну. Свет в соседней двери погас. Женщина шла через двор со своей сумкой; молодой

что-то говорил ей вслед. Ника хотела позвать ещё раз, но голос отказал. Получился короткий хриплый звук.

Она вернулась к дивану, опустилась на пол возле него и сидела, пока не открылась дверь.

Молодой держал перед собой телефон. На экране светился вызов, но Ника не могла прочесть, кто звонит. Он поднёс аппарат к уху и смотрел на неё, слушая.

— Да, — сказал наконец. — Ушла.

Пауза.

— Не знаю. Сказал, что разберусь. Она спрашивала, где ты. Нет, близко не подходила. Эта у окна...

Он замолчал, отвернулся и вышел в коридор, оставив дверь открытой на ладонь. Ника видела край его свитера. Больше ничего.

Если побежать, можно было ударить его дверью. Она представила это с такой ясностью, что мышцы ног напряглись. Дверь ударит в плечо, телефон упадёт, она проскочит к металлической двери. Та заперта. Она не знает, на что. Он догонит раньше, чем она найдёт ручку.

Ника опустила голову.

Молодой вернулся, убрал телефон и поднял её за локоть. Она встала сама, чтобы не висеть на его руке. Колено болело, но сгибалось. Он провёл её через коридор в комнату с телевизором. Там горел обогреватель, на тумбе стояла раскрытая пачка печенья и чашка с тёмным ободком. Из телевизора говорили про погоду, но звук был слишком тихим, чтобы

разобрать названия городов.

У дальней стены оказалась ещё одна дверь. Ника раньше её не видела из коридора: заслоняла открытая створка шкафа.

— Сюда, — сказал молодой.

— Зачем?

— Чтобы ты дров больше не наломала.

Внутри была кладовка. Несколько коробок, металлические полки, свёрнутый матрас у стены. Окна не было. Под потолком светила голая лампочка, от неё пахло нагретой пылью.

Ника остановилась на пороге.

— Я здесь не останусь.

Молодой потянул её за локоть. Она вцепилась свободной рукой в косяк.

— Не надо. Я больше не буду к окну. Пусть там останусь. Пожалуйста.

Он попытался оторвать её пальцы. Ника держалась. Один ноготь зацепился за неровность краски; она почувствовала, как он согнулся, и всё равно не разжала руку.

— Мне там плохо будет, — сказала она. — Я не могу без окна.

— Там тоже сидеть можно.

— Не могу.

Его телефон снова зазвонил. Молодой выругался, отпустил локоть и достал аппарат. Ника не побежала. Она держа-

лась за косяк и смотрела на освещённую комнату, в которой было хотя бы место для двух шагов.

— Сейчас, — сказал молодой в трубку. — Не идёт... Да понял я.

Он отключился и посмотрел на Нику. Она ждала удара. Вместо этого он убрал из кладовки две коробки, развернул матрас, пнул его к дальней стене.

— Свет не выключу, — произнёс он. — Дверь потом откроем. Надо просто пересидеть, пока он приедет.

— Пусть дверь открытая будет.

— Нет.

— Хотя бы щель.

Он покачал головой. Ника понимала, что сейчас он снова возьмёт её за руку, потом начнёт бить по пальцам, потому что иначе не справится. Она разжала ладонь сама.

В кладовке было теплее. Матрас лежал неровно, один край загнулся на ножку стеллажа. Ника села, подтянула колени. Молодой принёс одеяло и бутылку. Поставил воду у двери, будто боялся подойти ближе.

— В туалет как? — спросила она.

— Позовёшь.

— Ты услышишь?

— Услышу.

Он закрыл дверь. Ника услышала щелчок, потом медленный скрип — снаружи придвинули что-то тяжёлое. Ей захотелось сразу проверить, можно ли позвать и он придёт. Она

не позвала. Если он не ответит, оставаться здесь будет совсем невозможно.

Ника прижала ладонь к щеке. Новый удар пришёлся по той же стороне. Боль расплзалась к уху, а губы всё ещё помнили вкус чужой кожи. Она укусила человека. Хорошо, что Марк этого не видел. Потом ей стало стыдно за самую мысль: будто мальчик должен был учиться вежливости, пока его мать удерживают в кладовке.

Она вытерла ладони о джинсы, переложила бутылку ближе к матрасу. Вода перелилась внутри с тихим звуком. Ника отпила, завинтила крышку и стала смотреть на полосу под дверью.

Женщина с ведром слышала крик. Стояла, спрашивала. Знала Егора. Знала старшего, раз спрашивала о нём. Теперь она шла куда-то со своей сумкой и могла позвонить. Могла сейчас объяснять дежурному, что за окном кричала женщина. А могла поверить знакомому человеку и пойти домой.

Ника лежала, пока не начала засыпать. Каждый раз, проваливаясь, снова слышала звон ведра и открывала глаза: казалось, что женщина вернулась.

Глава 5. Кого ждать до утра

Галина приехала с пакетом яблок. Сама посмотрела на пакет в прихожей и сказала:

— Вышла с ним. На работу на завтра приготовила.

Павел взял яблоки, поставил на обувную тумбу. Бывшая жена не спрашивала, где повесить куртку. Нашла свободный крючок, разулась и прошла в комнату, где сидела Лера.

Он остался в коридоре. Седых разговаривала по телефону возле окна на кухне, Анохин собирал какие-то бумаги. Сотрудника в форме уже не было. Или их было двое и оба ушли — Павел перестал считать. Ночью в его квартире люди появлялись и исчезали, каждый со своей задачей, а он оставался на одном месте.

Из комнаты донёсся всхлип. Павел сделал шаг, но остановился. Галина сказала что-то тихо, Лера ответила. Потом они долго молчали. Он слышал, как дочь шмыгает носом, и пошёл за салфетками.

Когда принёс, Лера сидела на диване рядом с матерью. Галина держала ладонь у неё на затылке. Так же держала в детстве, когда дочь просыпалась с больным ухом: не качала, не гладила, просто не давала отодвинуться и спрятаться одной под одеяло.

— Она жива, — сказал Павел.

Галина посмотрела на него.

— Лера сказала.

— Мы с ней говорили.

— Я знаю, Паша.

Он положил салфетки на край дивана. Лера взяла сразу несколько и прижала к лицу. Галина не убрала руку.

Павел пошёл обратно на кухню. Ему хотелось поставить чайник, но в раковине стояла сковорода, которую он сам туда убрал; чтобы набрать воду, надо было её переставить. Он долго держал чайник под краном, прежде чем понял, что кран не открыт.

Седых закончила разговор и подошла к столу.

— Фургон обнаружили. Стоит возле того дома. Заперт. Сейчас работают с машиной и двором.

— А сумка?

— Есть вещи в кабине. Что именно и где, вам пока пересказывать не буду. Важнее другое: хозяйка квартиры подтверждает, что ожидала женщину от Валерии. До квартиры Вероника не дошла.

Павел поставил чайник.

— А хозяйка их видела?

— Не из квартиры. Она вышла позже, когда ей не ответили на звонок. Мы уточняем последовательность.

— Значит, её прямо во дворе?

— Вероятно, да.

Павел представил девятиэтажный дом. Девять рядов окон, люди у телевизоров, дети за уроками, кто-то курит на балко-

не. Во дворе можно забрать женщину, а потом позвонить её знакомой и спросить четыре миллиона. Ему захотелось увидеть этот дом не для поиска следов, а чтобы понять, как он продолжает стоять, как в нём до сих пор горят окна.

Анохин передвинул к себе запасной ключ от фургона и уточнил, когда Павел пользовался им последний раз. Тот ответил: в августе, менял лампу, тогда же переставил машину из-под дерева. Анохин записал.

— Я мог оставить отпечатки? — спросил Павел.

— Вы рассказали, когда и что делали. Этого сейчас достаточно.

Галина вышла из комнаты. Представилась Седых, попросила объяснить, куда нужно будет ехать дочери и можно ли ей сегодня остаться у отца. Павлу не понравилось, что она спрашивает об этом так, словно решение принимает кто-то кроме него. Потом он вспомнил, что Лере двадцать восемь.

— Мы закончим здесь, — сказала Седых. — Валерия завтра приедет к назначенному времени. Если до этого будут звонки или сообщения, сразу связывается с нами. Номер у неё есть. С Павлом Николаевичем тоже будем на связи.

— Она может спать? — спросила Галина.

— Может. Телефоны со звуком рядом.

— Поняла.

Седых собрала бумаги и попросила Леру ещё раз подойти. Они разговаривали возле окна. Павел слышал слова «номер», «клиентка», «переписка», но целиком фразы не скла-

дывались. Он мог бы придвинуться. Остался возле чайника.

Когда сотрудники ушли, квартира оказалась удивительно тихой. Павел подошёл к двери, проверил замок и вернулся. Было почти два.

Галина уже мыла стаканы.

— Я сам, — сказал он.

— Я два стакана мою. Не надо помогать.

Лера сидела на кухонном табурете. Держала свой телефон экраном вверх. Он загорелся, дочь быстро провела пальцем и поднесла его к уху.

— Рита?

Павел невольно подошёл ближе. Галина выключила воду.

— Да, я... Мне сказали. Она разговаривала, да. Я слышала сама. Рит, подожди, я не говорю, что всё хорошо.

Дочь слушала, сжав губы. Павел различал только отдельные резкие звуки из телефона. Протянул руку, но Лера отвернулась.

— Нет, он дома. Да. Сейчас.

Она отдала ему аппарат.

— С вами хочет.

Павел назвал себя. Женщина на другом конце ответила не сразу. Было слышно, как она закрывает дверь, а затем, уже тише:

— Вы Нику слышали?

— Да. Она жива.

— Не повторяйте это, пожалуйста. Мне уже десять раз

сказали. Что она говорила?

Он посмотрел на Леру. Та сидела, опустив руки между коленями.

— Просила вам позвонить. Сказала, что Марк у вас. Что ждёт её.

— Ещё что?

— Чтобы ему не говорили... Она не договорила.

Рита выдохнула прямо в трубку.

— Я ему сказала, что она поехала с людьми и теперь не может вернуться. Что полиция ищет. Он спросил, это из-за денег. Я сказала: не знаю. Вы знаете?

— Требуют деньги. С меня.

— С вас, — повторила Рита. — А она там почему?

— Вы, наверное, уже слышали. Её приняли за Леру.

— Ваша дочь дома?

— Да.

Он не стал прибавлять «к счастью».

— Дайте ей трубку.

— Я могу чем-нибудь помочь? Вам надо...

— Мне надо, чтобы вы дали ей трубку.

Павел отдал телефон. Лера выслушала несколько фраз, побледнела и сказала:

— Шестнадцать. Я помню.

Потом долго молчала. Рита говорила, Лера не перебивала. Павел слышал собственный холодильник: старый мотор включился, покашлял и пошёл ровнее. Он знал, как испра-

вить этот звук, но никак не собирался заняться.

— Я завтра переведу, — сказала дочь. — Нет, не тебе. Ей. Рит, я не хочу это...

Разговор оборвался. Лера некоторое время держала телефон у уха, потом положила на стол.

— Что шестнадцать? — спросил Павел.

— Я Нике должна.

— За что?

— За работу. Ты думаешь, за что я могу ей быть должна?

Галина придвинула к дочери стакан. Лера не взяла.

— Ты ей не заплатила и послала ещё работать? — спросил Павел.

— Да.

Он ожидал объяснений: клиент задержал, банк не провёл, что-то перепуталось. Лера не объясняла. Сидела в мокрых у колен джинсах, в тонком свитере, и от этого короткого «да» хотелось отвести глаза.

— Сколько всего должна людям?

— Пап, сейчас не надо.

— Сколько?

— Нике шестнадцать. Пете двенадцать. За склад двадцать семь. Ещё есть заказ, за который я должна вернуть аванс. Всё? Ты теперь понимаешь, где Ника?

— Я пытаюсь понять, что у тебя происходит.

— У меня происходит, что Нику увезли. Пока я была у клиентки, её увезли. А я приехала сюда с пирожками.

Она засмеялась. Невесело, резко, от одного выдоха. Галина положила руку ей на плечо.

— Сними джинсы. Я тебе дам сухие.

— У меня нет здесь сухих.

— Есть твои старые. В шкафу.

— Они мне малы.

— Тогда возьмём папины спортивные. Встань.

Лера поднялась. Позволила матери вывести себя из кухни. Павел остался возле стола. Он хотел сказать, что долги надо было назвать ещё весной, когда она убеждала его купить второй фургон. Хотел спросить, почему он всегда узнаёт последний. Но дочь уже ушла, а спрашивать это вслед было бессмысленно.

Он достал свой телефон. Открыл приложение банка, нащёл перевод Лере, который делал в мае на шины, нажал «повторить». В поле суммы стояло двенадцать тысяч. Павел стёр цифры, набрал шестнадцать и остановился.

Так он делал уже много раз. Сначала спорил, потом переводил деньги. На следующий день спрашивал, всё ли закрыто. Дочь отвечала да. Следующая неприятность выглядела новой, хотя, может быть, оставалась прежней.

Павел закрыл приложение. Он не знал, кому сейчас должен отправить эти деньги и что именно ими сделает.

Галина вернулась одна. Закрыла за собой дверь, села на Лерино место.

— Она ложится. Не спит пока, но пусть лежит.

— Что она тебе рассказала?

— Что ты уже слышал.

— Про эту Литвинову?

— Немного.

— Мне вообще ничего.

Галина потерла ладонью лоб. На запястье была тонкая царапина.

— Кот? — спросил Павел.

Она посмотрела на руку.

— Кошка. Сегодня. Хозяйка уверяла, что ласковая и переноска только нервирует.

— Поэтому принесла на руках?

— Поэтому принесла на руках.

Он кивнул. Галина сняла очки, протёрла краем футболки. На секунду всё стало таким, как бывало раньше после её поздней смены. Они могли обсудить чужую глупость, посмеяться и лечь спать, оставив на завтра свои собственные.

— Она от матери уехала, — сказала Галина. — Эта девушка. Соня. Лера помогала с переездом. Потом мать стала искать вещи и саму Соню. Звонил какой-то мужчина, говорил, что нужно договориться. Лера думает, это он.

— Имя есть?

— Она сказала, представлялся Сергеем. Следовательно номер отдала.

Павел вспомнил голос. Спокойный, уверенный, легко переходивший с «вы» на «ты». Сергей. Обыкновенное имя, ко-

торое ничего не объясняло.

— Почему не сказала сразу?

— Спроси у неё утром.

— Она знает, где эта Соня?

Галина надела очки.

— Лера говорит, что сейчас не общаются.

— Ты веришь?

— Я слышала десять минут разговора. За десять минут я не стану знать больше тебя.

Павел встал и подошёл к окну. На стоянке оставались те же машины, только белой, которая привозила женщину с сумками, уже не было. Он попробовал представить, куда увезли Нику. Подвал? Гараж? Дом за городом? Везде было темно, как будто сама невозможность увидеть место выключала в нём свет.

— Я завтра Борису позвоню, — сказал он. — Может, соберём.

— Четыре миллиона?

— Сколько соберём.

— Поговори сначала с теми, кто этим занимается. Ты же сам их вызвал.

— А если они не найдут до пяти?

Галина молчала. Павел обернулся. Она сидела, прижав локти к телу, и смотрела в стол. Он заметил, что у неё дрожит подбородок.

— Галя.

— Подожди.

Он подошёл, но она подняла ладонь. Потом достала салфетку, вытерла глаза и высморкалась — сердито, без всякой попытки сделать это незаметно.

— Я в такси ехала и всё время думала, что Лера перепутала, — сказала она. — Что она не у тебя, что это кто-то говорит её голосом. Прямо смотрела на телефон и думала: вот сейчас позвонят и скажут, что это она там. А когда вошла и увидела...

Она не договорила. Павел сел на соседний стул, не касаясь её.

Через несколько минут Галина встала, разогрела картошку и разделила её на две тарелки. Лера не захотела. Они ели молча, иногда поглядывая на телефоны. Уже начинался новый день, а до пяти вечера было меньше времени, чем нужно, чтобы нормально выспаться и сходить на работу.

Перед тем как уйти в комнату, Галина спросила:

— Ей можно оставить ключи от машины?

Павел не понял.

— Лере. От твоей. Она спросила, если завтра надо будет к следователю, можно ли взять.

— Я сам отвезу.

— Я так и думала.

Он открыл ящик, где лежали ключи. Запасной от фургона забрали, его собственный оставался на месте. Павел сжал брелок в ладони, потом положил обратно.

— Пусть утром скажет, — ответил он. — Куда ей надо.

Галина посмотрела на него, но ничего больше не спросила.

Глава 6. В мастерской открыто

Павел позвонил Борису в половине восьмого. Тот ответил после первого гудка и сразу сказал, что дисплей на молочном ларе опять врёт.

— Я датчик ещё вчера заказал, — произнёс Павел.

— Так ты заказал или они отправили? Мне хозяйка с семи звонит. У неё творог на витрине тёплый.

— Боря, мне надо с тобой поговорить.

Борис помолчал.

— Ты где?

— Дома. Сейчас приеду.

— Приезжай. Только на своей, а то мою забрали тормоза делать.

Павел посмотрел на ключи, лежавшие возле телефона. Он уже успел поговорить с Анохиным: сообщил, что поедет в мастерскую к партнёру обсуждать деньги, оттуда будет доступен. Анохин попросил не превращать разговор в сбор по всем знакомым и сразу сообщать о любом новом требовании. Ночью звонков больше не было. Павел проверял список каждые несколько минут, словно мог не услышать аппарат, который держал рядом с лицом.

Лера вышла из комнаты в его спортивных брюках. Подвернула штанины; на правом колене белела старая капля краски. Дочь выглядела лет на семнадцать, и Павлу захоте-

лось сказать ей, чтобы никуда без него не уходила.

— Мы с мамой на такси поедem, — произнесла она. — К десяти.

— Я успею вернуться.

— Не надо. Ты к Борису собирался.

Она прошла в ванную и закрыла дверь. Галина на кухне разговаривала с коллегой: просила заменить её до обеда, обещала выйти завтра вместо неё. Павел поймал несколько слов про мужчину с пуделем, которого нельзя записывать последним, потому что он опаздывает и потом не хочет уходить.

Перед выходом Павел сказал ей, куда едет. Она кивнула, прикрывая телефон ладонью. Потом отняла его от уха:

— Ты поел?

— Там поем.

— Возьми яблоки.

Он взял одно. Уже в машине положил на пассажирское сиденье, чтобы не мешало доставать ключ. Яблоко скатилось к спинке и там осталось.

* * *

В мастерской пахло мокрым картоном. Вчера под воротами оставили упаковку, за ночь её залило, и теперь ученик Слава отрывал размокшие листы от пола. При виде Павла он поднялся, придерживая рабочие штаны за пояс.

— Доброе утро. Я ваш телефон видел, не стал звонить,

рано ещё. Тут женщина спрашивала, когда вы за морозилку возьмётесь.

— За какую?

— Которая с трещиной. Она её забрать хочет.

Павел посмотрел на ряд белых корпусов у стены. Он сам принимал эту морозилку три дня назад, объяснял, что трещина на пластике не главная проблема, обещал сначала проверить систему. Теперь не мог вспомнить имя хозяйки.

— Пусть Борис скажет, — ответил он.

Слава моргнул. Обычно Павел не любил, когда клиентам отвечал кто-нибудь другой.

В маленькой комнате за перегородкой Борис ел творог из пластиковой пачки. На столе лежали очки и два винта от пельменей. Он поднял голову, увидел лицо Павла и отодвинул еду.

— Галя?

— Нет.

— Лера?

— Она дома.

Павел сел и рассказал. Не всё, что знал, а то, что мог произнести подряд: звонок, красная куртка, дочь с пирожками, другая женщина. Борис слушал, не задавая вопросов. Только однажды снял со стола очки и положил их на шкафчик, будто ему мешал этот маленький предмет между ними.

— Полиция в курсе? — спросил он, когда Павел замолчал.

— Сразу позвонил. Были всю ночь. Нику ещё не нашли.

— Откуда они взяли четыре миллиона?

— Не знаю.

Борис откинулся на спинку стула.

— Ну, у меня таких денег нет.

Павел посмотрел на него. Он ещё не успел попросить, а Борис уже ответил. От этого было больнее, чем от самого отказа.

— Я не сказал, что у тебя четыре.

— Я понял.

— У меня миллион двести. На счёте. Остальное можно...

Борис поднял руку.

— Паша, подожди. Давай я сначала открою, посмотрю. Я сейчас с утра не помню, когда у меня платёж. Не говори «можно», пока я не увидел, сколько там вообще лежит.

Он достал телефон, ввёл пароль, долго рассматривал цифры. Павел услышал за перегородкой, как Слава включил шуруповёрт. Короткий рабочий треск, потом тишина. Через минуту — ещё раз.

— Двести сорок своих есть, — сказал Борис. — Могу дать. У Веры на счёте ещё деньги, но это её. Я должен спросить.

— Спроси.

— Спрошу. Только не записывай их уже в сумму.

Павел достал из кармана блокнот. Тот самый, с Лериным адресом на странице. Перевернул лист, написал «1200» и ниже «240».

Борис следил за ручкой.

— Мы аванс за столовую получили? — спросил Павел.

— Получили.

— Сколько осталось?

— Паша.

— Я спрашиваю сколько.

— Триста восемьдесят. Ты вчера сам сказал не трогать, потому что холодильную камеру надо комплектовать. Заказчик ждёт.

— Можно потом внести обратно.

Борис молчал. За стеной Слава уронил что-то металлическое и тихо выругался. Павел услышал, как он поднял предмет, проверил, не сломал ли, положил осторожнее.

— Потом откуда? — спросил Борис.

— Продам машину. Свою долю. Что-нибудь продам.

— Сейчас восемь утра. В пять вечера им надо деньги. Кто сегодня купит твою долю? Я? На мои двести сорок?

— Мне не надо за неё полную цену.

— А мне надо понимать, что я купил. Вместе с твоей работой или без? Я один это не вытяну. Ты это знаешь.

Павел закрыл блокнот.

— Ты боишься, что я уйду?

— Я боюсь, что ты сейчас пообещаешь всё на свете, а завтра мы оба не будем знать, как это исполнить.

— Женщину держат где-то.

— Я слышал.

— У неё ребёнок.

Борис встал. Прошёл к двери, прикрыл её плотнее и вернулся. Когда снова сел, у него дрожали губы.

— Не надо мне это второй раз, — сказал он. — Я тебе двести сорок отдаю. Сейчас. Если Вера согласится, ещё добавим. Но деньги столовой я не дам. Там сто восемьдесят человек ждут, когда мы закончим, и Славе в понедельник платить, и мастеру Сергею. Ты мне можешь сказать, что я сволочь. Всё равно не дам.

Павел отвернулся. Он не хотел называть Бориса сволочью. Ещё вчера вечером он посмеялся бы над мыслью, что Борис способен оставить человека без помощи. Сейчас каждый, кто не мог дать нужную сумму, оказывался с другой стороны стола.

Борис позвонил жене. Вышел для этого в коридор. Павел слышал только «послушай сначала» и «нет, не с Лерой». Потом дверь за ним закрылась.

Павел открыл блокнот снова. Миллион двести, двести сорок. Не хватало двух миллионов пятисот шестидесяти тысяч. Он написал эту сумму полностью, с нулями, чтобы перестать думать о ней как о чём-то приблизительном.

В дверь постучали. Слава просунул голову.

— Павел Николаевич, можно вас на минуту? Я там провод боюсь тянуть. Он вместе с креплением идёт.

Павел хотел сказать, что не может. Потом встал.

Морозильный шкаф стоял отодвинутый от стены. Слава

снял заднюю панель, сложил винты в крышку от банки. Один провод действительно уходил под крепление, и тянуть его было нельзя. Павел присел, посмотрел, попросил фонарь. Мальчик подал телефон с включённым светом, но Павел велел принести нормальный фонарь: телефон можно уронить туда, откуда его потом не достанешь.

Он отсоединил нужное крепление, придержал провод, объяснил, куда положить снятую деталь. Слава слушал внимательно. Ему было девятнадцать, иногда он приходил невыспавшимся и путал ящики, но сейчас стоял рядом, держа свет так, как попросили. Павел почувствовал к нему благодарность, совсем не связанную с морозильным шкафом.

— Дальше сам, — сказал он, поднимаясь.

— А вы уезжаете?

— Пока не знаю.

Слава кивнул. Не спросил больше ничего, хотя, наверное, слышал часть разговора.

Борис вернулся с телефоном в руке.

— Ещё сто, — сказал он. — Вера даст. Больше сегодня не можем.

Павел записал сто под двумя прежними числами. Вышло миллион пятьсот сорок. Половины всё ещё не было.

— Ты мне расписку сделай, — произнёс Борис.

Павел поднял глаза.

— Сделаю.

— Не сейчас. Когда решите, что деньги действительно

нужны и как передавать. Я не лезу в это. Просто хочу, чтобы потом мы оба помнили одно и то же.

— Я помню.

— Сейчас помнишь. А потом будешь помнить, как я тебе триста восемьдесят не дал.

Павел хотел возразить, но не нашёл слов. Борис положил ладонь на стол рядом с блокнотом и убрал. Они просидели вместе ещё несколько минут; оба понимали, что разговор закончился, и ни один не хотел первым встать.

Когда Павел вышел во двор, ему позвонила Рита. Номер был новый, она представилась сразу:

— Лера дала ваш телефон. Вы можете сообщения открыть?

— Могу. Что случилось?

— Я нашла, что Ника мне вчера присылала. Вы посмотрите. Только я уже сотруднику переслала, не надо мне объяснять, кому сначала.

— Я не собирался.

Рита отключилась. Через несколько секунд пришла картинка — часть переписки на светлом фоне. Ника спрашивала: «А те, которые тебя искали, там не будут?» Ниже Лера отвечала: «Нет. Я всё решила. Там только хозяйка».

Павел стоял под навесом, возле мокрого картона, который Слава сложил у стены. Прочёл ещё раз. Это были обычные сообщения, без угроз, без снимка женщины на полу. Его дочь успела сказать кому-то, что всё решила.

Он нажал вызов Леры. Она ответила почти сразу.

— Мы уже едем, пап. Мам рядом.

— Кто приходил к твоему складу?

В трубке стало тихо. Потом дочь спросила:

— Рита прислала?

— Ты сказала Нике, что всё решила.

— Я думала...

— Что ты решила, Лера?

Она дышала в трубку. Павел слышал за её дыханием навигатор такси: чужой женский голос спокойно объяснял, где повернуть.

— Я сказала ему, что не поеду, — произнесла дочь. — И чтобы он ко мне больше не приходил.

— И это всё?

— Да.

Павел закрыл глаза.

— Следователю скажи точно так. Не что решила. Что сказала ему и послала её.

Лера не ответила. Он услышал голос Галины, не разобрал слов, потом дочь произнесла:

— Скажу.

Он положил телефон в карман и пошёл к машине. Яблоко всё ещё лежало возле спинки пассажирского сиденья. Павел взял его, провёл по коже большим пальцем и вдруг понял, что за утро не выпил даже воды.

Глава 7. По имени

Утро Ника узнала по звуку воды. За дверью долго работал кран, потом кто-то закашлялся, сплюнул и снова открыл воду. Лампочка в кладовке горела так же, как ночью. Ника могла бы проспять целый день и не заметить, но пить хотелось сильнее, а тело затекло от попыток лежать на одном боку.

Она села и поняла, что бутылка пустая. Последний глоток выпила ночью, когда проснулась от собственного голоса. Ей приснилось, что Марк зовёт из соседней комнаты, а дверь закрыта. Теперь она боялась, что действительно кричала его имя и кто-нибудь услышал.

Ника постучала.

Снаружи ответили не сразу.

— Чего?

— Егор, мне в туалет.

Тишина.

— И воды, пожалуйста.

У двери что-то отодвинули. Егор открыл и посмотрел на неё сверху вниз. Под глазами у него потемнело. Укушенная ладонь была перетянута полоской белого материала; узел он завязал на тыльной стороне, и свободные концы торчали в разные стороны.

— Ты откуда знаешь?

— Женщина вчера назвала.

Он оглянулся в комнату с телевизором.

— Вставай.

Ника поднялась, держась за полку. Колено отозвалось тупой болью, но идти было можно. Она взяла пустую бутылку. Егор потянулся забрать, потом передумал и пропустил её в коридор.

В санузле она попросила закрыть дверь. Он не разрешил. На этот раз Ника не спорила; прикрыла её, как вчера, и старалась не смотреть в щель. В зеркале синяк стал темнее, глаз под ним казался меньше другого. Она прижала кончик языка к внутренней стороне щеки: ранка всё ещё болела, но не кровила.

Когда вышла, Егор стоял у раковины в коридоре — маленькой, кухонной, которую Ника ночью не заметила. Мыл чашку одной рукой, придерживая её за ручку пальцами перевязанной. Из крана шла горячая вода, поднимался пар.

Ника посмотрела на белую ткань.

— Ты сам завязал?

— Не твоё дело.

Она замолчала. Ей не хотелось извиняться. Даже если это позволило бы выйти из кладовки на десять минут дольше.

Егор сполоснул чашку, наполнил её и поставил на стол в комнате с телевизором. Рядом лежал батон в прозрачном пакете, несколько ломтиков сыра и нож. Ника увидела нож первой, раньше еды. Небольшой кухонный, с жёлтой ручкой. Егор заметил её взгляд и убрал его на верхнюю полку.

— Садись здесь, — сказал он.

Она села. Стул был низкий, край столешницы оказался почти у груди. Ника взяла хлеб обеими руками и откусила. Щека заболела; пришлось жевать другой стороной. Егор смотрел, как она ест, и от этого кусок не шёл в горло.

— Ты можешь не стоять надо мной?

Он сел напротив.

— Лучше?

— Да.

Он отломил себе хлеба. Сыр взял прямо пальцами, Ника машинально потянула к нему пакет с салфетками, потом остановила руку. Егор увидел движение и сам вытащил салфетку.

В телевизоре женщина рассказывала о скидках на одежду. Слова «здоровый сон» повторились три раза, прежде чем Егор переключил канал. Теперь двое мужчин спорили о машине. Ника попросила выключить звук.

— Почему?

— Голова болит.

Он сделал тише, почти до конца. Выключить не стал.

Ника поела, выпила половину воды. Голод не исчез, но еда больше не лезла. Она аккуратно сложила остаток хлеба на салфетку.

— Можно телефон попросить?

Егор уставился на неё.

— Не позвонить. Время посмотреть.

Он перевернул свой аппарат, показал экран издалека. Девять двенадцать. Ника успела увидеть дату: восьмое октября. Значит, не пропустила целого дня. От этого почему-то захотелось плакать сильнее.

— До пяти, — сказала она.

— Что?

— Он вчера сказал, до пяти. Потом меня отпустят?

Егор отложил телефон.

— От меня ничего не зависит.

— А от кого зависит?

Он посмотрел на дверь, через которую вошёл старший ночью.

— Ты его давно знаешь?

— Ешь.

— Я поела.

— Тогда сиди молча.

Ника вытерла пальцы. Нельзя было всякий раз упираться в один и тот же вопрос. Когда она спрашивала про освобождение, Егор переставал смотреть ей в лицо. Значит, или не знал, или не хотел знать. От этого не менялось, что именно он открывает дверь.

— У меня куртка в машине, — сказала она. — Моя, не эта. Синяя. Когда будете вещи забирать, возьми её, пожалуйста.

— Никто за вещами не поедет.

— Мне холодно.

— Здесь тепло.

— Ночью холодно было.

Егор посмотрел в сторону кладовки. Ника продолжила, пока он ещё слушал:

— И там нечем дышать. Я не полезу больше к окну. Поставь стул перед дверью, сиди где хочешь. Только в ту комнату верни.

— Не мне решать.

— Ты можешь спросить.

Он вздохнул и отвернулся. Ника не знала, сколько ещё просьб выдержит Егор, прежде чем снова поднимет руку. Она видела, как он прячет больную ладонь под стол, и сдержалась. Взяла хлеб, который отложила, начала понемногу отщипывать от него.

В наружной двери повернулся ключ. Егор выпрямился. Ника опустила хлеб.

Старший вошёл с маленьким пакетом из магазина. Снял куртку, повесил на спинку свободного стула, увидел Нику за столом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.